

Н. А. КАЗАКОВА

ЛИВОНСКИЕ И ГАНЗЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ В КОНЦЕ XV—НАЧАЛЕ XVI в.

В насчитывающей сотни документов переписке ганзейских городов и орденских чинов, касающейся сношений с Россией в конце XV—начале XVI в., встречаются отдельные известия и о событиях ее внутренней жизни. Эти известия, затерянные в огромном потоке информации внешнеполитического характера, до сих пор почти не привлекали внимания исследователей.¹ Цель настоящей статьи — введение в научный оборот названных известий и выяснение их значения как исторического источника посредством сопоставления с русскими источниками.

Интересующие нас известия освещают три важных вопроса внутриполитической жизни России: 1) о династической борьбе, 2) о еретическом движении, 3) о присоединении Пскова к Русскому централизованному государству. Особое внимание в переписке орденских чинов и ганзейских городов уделялось династическому кризису. Это объясняется тем, что с борьбой внутри великокняжеской семьи руководители Ордена и Ганзы связывали надежды на ослабление России и соответственно усиление позиций Ливонии и Ганзейского союза.

В русских летописях зафиксированы следующие моменты в развитии династического кризиса: 1) заговор в 1497 г. Василия Ивановича с целью захвата великого княжения и последовавшие за его неудачей казнь участников заговора и опала Василия и его матери Софьи; 2) провозглашение в феврале 1498 г. Дмитрия великим князем, наследником престола, и коронация его в Успенском соборе; 3) первый шаг Ивана III к примирению с Василием — провозглашение его в 1499 г. великим князем Новгородом и Пскова; 4) попытка бегства Василия в 1500 г. в Вязьму с целью нажима на отца и вслед за этим провозглашение Василия великим князем; 5) заточение в 1502 г. Дмитрия и его матери Елены Волошанки; 6) занятие Василием Ивановичем в 1505 г. после смерти Ивана III великокняжеского престола.

В прибалтийских источниках первое известие о династическом

¹ Единственная попытка использования известий прибалтийских источников при изучении внутренней истории России принадлежит С. М. Каштанову, в книге которого дан пересказ некоторых известий; автор указывает, что он пользовался переводами, сделанными для него А. Л. Хорошкевич. См.: Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967 (далее — С. М. Каштанов), с. 89—90 и прим. 47, с. 120 и прим. 188, с. 169 и прим. 379, с. 182 и прим. 44, с. 233 и прим. 272. — При переводах текстов ливонских и ганзейских источников для настоящей статьи автор пользовался консультацией И. Э. Клейнберга, которому приносит глубокую благодарность.

кризисе в России содержится в письме ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга великому магистру Тевтонского ордена Фридриху Саксонскому от 28 июля 1499 г. Сообщая великому магистру различные сведения о внешнеполитическом положении Ливонии, в частности о напряженности в отношениях с Россией, Плеттенберг передает и последние новости о внутривосточной жизни России: «Никаких особенных известий Вашей милости мы не можем на этот раз сообщить, — пишет Плеттенберг, — кроме того, что великий князь московский своего старшего сына, рожденного от гречанки, который участвовал в заговоре против него, сделал государем Новгорода и Пскова, но псковичи не хотят его иметь государем; и по этой причине великий князь двух почтенных посадников из Пскова, которые были в посольстве у него в Москве, заточил, и псковичи теперь опять послали в Москву новое другое почтенное посольство с большими дарами, чтобы вызволить тех других (первых посланцев, — *Н. К.*), и будто бы они теперь согласились принять его (сына великого князя, — *Н. К.*) в качестве государя, и имеется слух, что он в день Варфоломея (24 августа, — *Н. К.*) отбудет в Псков. Некоторые говорят также, что он не выедет раньше, чем около дня Андрея» (30 ноября).²

В приведенном отрывке из письма Плеттенберга великому магистру содержатся сведения о трех событиях внутривосточной жизни России: 1) о былом участии Василия Ивановича в заговоре против отца; 2) о назначении Василия Ивановича князем Новгорода и Пскова, 3) о конфликте псковичей с Иваном III из-за этого назначения.

Об участии Василия Ивановича в заговоре против Ивана III даже русские источники сохранили мало известий. Лишь в так называемом новгородском своде 1539 г. читается сообщение о том,

² «Tidinge en wette wie juwen genaden up duthmall sunderlinges nicht to schrivende anders, dan dat de groitforste tor Muskow sinem oldesten sonne von der Grekynnen geborn, de en medde vorraden wolde helpen, vor eyunen heren gemaket hefft over Nowgarden und Pleskow, des dan de Pleskower nicht gerne vor eyunen heren hebben willen; und de groitforste hefft derhalven twe der dreplecksten borgermeister uith Pleskow, de bodenwiz an en thor Moskow gesant weren, gefencklick sittende, und de Pleskower hebken nu upt nigge andere dreplecke botschop mit groten giften und gaven, de andern wedder loesztokrigende wedderumb up na der Muskow gesant und sollen nu endrechtlick ingegan hebben, densulfften vor eyunen heren angenomen und dat gerochte geit, he werde up Bartholomei affkomen na Pleskow. Etlicke segen oick, he werde nicht er dan umbtrent Andree affkomen» (Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch, 2-te Abteilung, — далее: LUB 2, Bd. I, № 848, S. 647). В изложении содержания приведенного текста в книге С. М. Каштанова (С. М. Каштанов, с. 120) опущено известие о том, что Василий участвовал в заговоре против отца, и неправильно указывается, что, по мнению одних, второе посольство псковичей к Ивану III в Москву вернется в Псков в день св. Варфоломея, по мнению других, — не раньше дня св. Андрея. В действительности в письме Плеттенберга речь идет не о предполагающихся сроках возвращения в Псков псковского посольства, а о предполагающихся сроках отъезда в Псков Василия Ивановича.

что Василий Иванович, подстрекаемый Владимиром Гусевым, Федором Стромилловым и другими участниками заговора 1497 г., хотел «от отца своего отъехать, великого князя казна пограбити на Вологде и на Белеозере и натъ князем Дмитриемъ, над внукомъ израда учинити».³ По весьма убедительному мнению Я. С. Лурье, рассказ свода 1539 г. о событиях конца XV в. представляет собой отрывок несохранившегося великокняжеского свода 1500 г., не прошедшего редактирование времени Василия III.⁴ В последующих же летописных сводах, составлявшихся уже в княжение Василия III, известия о заговоре 1497 г. оказались тщательно вытравленными, и последовавшая в этом году опала Василия и Софьи объяснялась несправедливостью Ивана III, поддавшегося «дьяволу действу».⁵ Эта же версия была принята летописными сводами середины XVI в.⁶ В свете приведенных фактов известие об участии Василия Ивановича в заговоре против отца, читающееся в рассматриваемом письме Плеттенберга,⁷ имеет, несмотря на свою лаконичность, большую ценность. Оно подтверждает достоверность немногих сохранившихся в русских источниках сведений о существовании этого заговора и показывает широкий резонанс, какой получила не только в России, но и за рубежом борьба внутри великокняжеской семьи.

Сообщение Плеттенберга о назначении Василия Ивановича в 1499 г. великим князем Новгорода и Пскова представляет меньший интерес, ибо известие об этом событии читается во всех русских летописях XVI в. Но зато рассказ Плеттенберга о конфликте между Псковом и Иваном III в связи с назначением Василия Ивановича великим князем Новгорода и Пскова важен, ибо сведения о конфликте сохранились лишь в двух русских летописях — Псковской первой летописи и Софийской первой летописи по спискам Бальзеровскому и Горюшкинскому, причем рассказ Софийской первой летописи полностью воспроизводит со-

³ Новгородский свод 1539 г. отражен в следующих летописях: Новгородская четвертая летопись по списку Дубровского (ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925, с. 530—531); Ростовская летопись по Архивному списку (Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, с. 82—87); окончание Никоновской летописи по Архивному II списку (ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, с. 263); отрывок летописи по Воскресенскому Новоерусалимскому списку (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 279); списки летописей Государственного Исторического музея, собрание Уварова, № 568 и Государственной Публичной библиотеки, собрание Погодина, № 1403 (см.: Азбелев С. Н. Две редакции Новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, с. 219—228).

⁴ Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV века. — ТОДРЛ, 1955, т. XI, с. 180, 181.

⁵ ПСРЛ, т. VI, с. 43; т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 330.

⁶ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 234; т. XII, с. 246.

⁷ В письме Плеттенберга буквально сказано: «который (Василий, — Н. К.) также его (отца, — Н. К.) хотел помочь предать» («de en medde vragraden wolde helpen»).

ответствующее место Псковской первой летописи.⁸ Во всех остальных русских летописях рассказ о конфликте, очевидно нежелательный для Василия III, был выпущен.

Псковская первая летопись рассказывает, что псковичи, узнав о назначении Василия Ивановича великим князем Новгородом и Пскова, послали в Москву послов «бити челом князем великим Ивану Васильевичу и внуку ево Дмитрею Ивановичю, чтобы держали отчину свою в старине, а которой бы был великим князь на Москве, той бы и нам был государь».⁹ Содержание псковского челобитья показывает, что псковичи, соглашавшиеся признавать суверенитет великого князя московского, не желали в то же время назначения Василия Ивановича великим князем Новгородом и Пскова, расценивая, очевидно, это назначение как попытку присоединения Пскова к Новгороду, т. е. фактически к Москве, поскольку Новгород уже входил в состав централизованного государства.¹⁰ Таким образом, за отказом Пскова принять Василия Ивановича в качестве великого князя Новгородом и Пскова скрывалось стремление правящих кругов Пскова к сохранению независимости Псковской вечевой республики.

Дальнейшее течение событий Псковская первая летопись излагает следующим образом: Иван III «опалился» на псковичей и велел двух посадников — участников псковского посольства задержать в Москве и заточить; затем в Псков приехал 30 мая новгородский архиепископ Геннадий с намерением служить молебн за великого князя Василия, что ему не удалось; после отъезда Геннадия, пробывшего в Пскове 4 недели, псковичи послали в Москву второе посольство ходатайствовать перед Иваном III об освобождении задержанных посадников и вновь просить его держать свою отчину Псков «в старине»; в ответ Иван III прислал в Псков своего боярина, который передал на вече, что великий князь «отчину свою держит в старине»; в сентябре псковичи послали новое, третье, посольство бить челом великим князьям Ивану Васильевичу и Василию Ивановичу об освобождении задержанных псковских посадников, после чего великие князья, по словам Псковской летописи, псковичам «вины отдали» и освободили посадников, которые 24 сентября прибыли домой.¹¹

Письмо Плеттенберга, написанное 28 июля 1499 г., освещает развитие псковско-московского конфликта до этого времени. Оно подтверждает известия псковской первой летописи о первоначальном отказе псковичей признать власть Василия Ивановича, назначенного великим князем Пскова и Новгорода, о заточении из-за этого отказа Иваном III двух псковских посадников, участников псковского посольства в Москву, и о посылке псковичами

⁸ Псковские летописи, вып. 1, М.—Л., 1941, с. 83—84; ПСРЛ, т VI, с. 23.

⁹ Псковские летописи, вып. 1, с. 83.

¹⁰ С. М. Каштанов, с. 119.

¹¹ Псковские летописи, вып. 1, с. 83—84.

второго посольства с целью их освобождения. Но далее Плеттенберг сообщает сведения, отсутствующие в Псковской летописи: он пишет об изменении позиции псковичей, согласившихся принять Василия Ивановича, и о предполагающихся сроках отъезда последнего в Псков. Рассказ Плеттенберга дает, как нам кажется, основание для вывода о том, что назначение Василия Ивановича великим князем Новгорода и Пскова сопровождалось вспышкой борьбы в Пскове между противниками более тесного сближения с Москвой и сторонниками. Сначала победили первые, и псковское посольство просило Ивана III сохранять старину — не назначать Василия Ивановича великим князем Новгорода и Пскова. Но победа сторонников псковской самостоятельности активизировала, очевидно, деятельность промосковски настроенной партии, и в конце июля в Пскове сложилась, как об этом пишет Плеттенберг, ситуация, благоприятствующая признанию власти Василия Ивановича. Таким образом, письмо Плеттенберга содержит новые данные об одном из последних конфликтов, возникших между Псковом и великокняжеской властью, который тесно переплетался с происходившим в эти годы в Москве династическим кризисом.

Второе известие ливонских историков о внутриполитической борьбе в России на рубеже XV и XVI вв. читается в письме ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга великому магистру Тевтонского ордена Фридриху Саксонскому от конца января 1500 г.¹² «Мы узнали также, — пишет Плеттенберг, — почему великий князь московский со своими сыновьями находится во вражде: причина этого заключается в том, что он хотел своего внука иметь наследником¹³ в качестве великого князя, но это ему его собственные сыновья, которых он имеет от этой гречанки, не хотят разрешить. Эта вражда и неприязнь удерживают великого князя; иначе бы он давно напал на эту страну¹⁴ (Ливонию, — *Н. К.*). Если бы страна (Россия, — *Н. К.*) была бы разделена и разъединена, как она имела обыкновение быть раньше, мы с помощью всемогущего бога со всеми силами этой страны (Ливонии, — *Н. К.*) были бы в состоянии ему (великому князю московскому, — *Н. К.*) противостоять и не обращались бы так настойчиво к Вашей княжеской милости за помощью и поддержкой, как это нас побуждает [делать] его неизмеримое могущество, которое выросло за немногие годы и день ото дня увеличивается и возрастает».¹⁵

¹² В тексте письма имеется дата «1500 год», — к концу января оно отнесено издателями (см.: LUB 2, Bd. I, № 923, легенда).

¹³ В немецком тексте — «в свое место» или «вместо себя» («in sine stedde»), что мы переводим «наследником».

¹⁴ В немецком тексте множественное число — «на эти земли» («an diesen landen»). В последующих случаях, где в нашем переводе читается «страна», в немецком тексте везде употребляется множественное число.

¹⁵ «Wie vorstaen oick, wu dat de groitforste tor Moskow mit sinen sonnen twistich weszen solle: orsaket sick darvan, dat he sins sons sonne

Из русских источников о взаимоотношениях внутри великокняжеской семьи в 1500 г. в связи с династическим вопросом сообщает лишь Краткий погодинский летописец. Под 7008 г. в нем читается известие о бегстве Василия Ивановича в Вязьму с целью побудить отца дать ему, Василию, великое княжение, и о достижении таким путем поставленной цели.¹⁶ С. М. Каштанов бегство Василия Ивановича приурочивает к апрелю—маю 1500 г.¹⁷ Но письмо Плеттенберга показывает, что уже в начале 1500 г. взаимоотношения внутри великокняжеской семьи в связи с династическим вопросом были крайне напряженными. Анализируемое письмо интересно еще в одном отношении. Во всех русских источниках, в которых речь идет о династической борьбе, лицом, выступавшим против назначения Дмитрия Ивановича великим князем, наследником престола, называется Василий Иванович. Позиция других сыновей Ивана III совершенно не освещается. В письме же Плеттенберга говорится о недовольстве сыновей Ивана III, рожденных от брака с Софьей Палеолог, назначением Дмитрия Ивановича наследником престола и о вражде их на этой почве с отцом. Думается, что сведениям Плеттенберга можно доверять, так как назначение наследником престола Дмитрия, внука Ивана III от его первого брака, должно было вызвать естественное осуждение со стороны всего клана Софьи Палеолог. Письмо Плеттенберга добавляет, таким образом, новые штрихи

gerne in sine stedde vor eynen groitforsten hebben wolde, des eme dan sine egen sonne, de he van dusser Grekynnen hefft, nicht gestaden willen. Szodan twist und unwillе helt den groitforsten torugge; anders hedde he sick lange an dussen landen vorsocht. Aver szo de lande vannander gedett und vrsplittert weren, als se tovern plegen tho weszen, wolde wy en mit der hulpe des almachtigen Goddes alletyt mit allen parten dieszer lande wall mechtich genoich sin und juwe fl. genade dan umb hulpe und bistant nicht so hoge bekoren, dar unns sine grote untellicke macht, de in gar korten jaren gewassen is und nach van dage tho dage hoger und breder wesset, to erwecket» (LUB 2, Bd. I, № 923, S. 704). В книге С. М. Каштанова дано следующее изложение части приведенного текста: «...великий князь враждебен с сыном (под сыном С. М. Каштанов подразумевает Василия Ивановича, — Н. К.) и весьма желал бы держать внука в своих городах как великого князя, чего ему не хочет разрешить его собственный сын» (С. М. Каштанов, с. 169, прим. 379). В этом изложении допущена неточность: в немецком тексте речь идет о сыновьях Ивана III, у С. М. Каштанова — о сыне. Мы считаем также перевод части фразы — «dat he sins sons sonne gerne in sine stedde vor eynen groitforsten hebben wolde» («весьма желал бы держать внука в своих городах как великого князя») — не совсем удачным. В ливонских и ганзейских документах того времени слово «город» — «stad, stadt» — во множественном числе встречается в форме «stede», в нашем же тексте стоит «stedde», что адекватно, по мнению И. Э. Клейнберга, современному «Stätte» — место. Поэтому мы даем следующий перевод рассматриваемой части фразы: «он хотел своего внука иметь наследником в качестве великого князя».

¹⁶ Лурье Я. С. Краткий летописец Погодинского собрания. — Археологический ежегодник за 1962 г. М., 1963, с. 443.

¹⁷ С. М. Каштанов, с. 153—154.

к истории династического кризиса, отраженной в русских источниках.

Третье известие о положении в России содержится в записке, составленной для императора Максимилиана I послом великого магистра кенигсбергским комтуром Людвигом фон Занзегеймом в августе 1500 г.¹⁸ Освещая в записке главным образом вопрос о взаимоотношениях Ордена с Польшей, Людвиг фон Занзегейм касается и русско-ливонских отношений и в связи с ними дает характеристику внутреннего положения России: «Во-первых, — пишет он, — относительно положения в России: там есть один старый правящий государь, который имел трех сыновей; и когда один сын по свойству человеческой природы умер, он оставил также после себя сына; с этим внуком имеет старый государь русских все управление страной один в своих руках¹⁹ и не хочет других двух своих родных сыновей к управлению или разделу страны допустить. Это ливонскому магистру и достопочтенному Ордену в этой стране²⁰ (Ливония, — Н. К.) во многих отношениях тяжело и невыгодно, не говоря уже о том, что Орден такой большой силе, сосредоточенной в одних руках, не может противостоять так, как если бы страна (Россия, — Н. К.) была поделена между государями».²¹

Характеристика положения в России, данная Людвигом фон Занзегеймом, отражает, очевидно, ситуацию, существовавшую не в конце лета 1500 г., а в более раннее время: хотя записка Занзегейма была составлена в Аугсбурге, где находился Максимилиан, изложенные в ней сведения о России Занзегейм получил несомненно еще в бытность свою в Пруссии, вероятно, от самого великого магистра (вспомним, что Плеттенберг информировал великого магистра о русских делах), и нужно было также время, чтобы эти сведения попали в Пруссию через Ливонию. В записке Занзегейма имеются фактические ошибки: неправильно, напри-

¹⁸ Не имеющая даты записка комтура Кенигсберга в первом издании (Supplementum ad Historica Russiae Monumenta. Petropoli, 1848, № 121) датируется предположительно 1498 г. В последнем издании (LUB 2, Bd. I, № 1023) она отнесена к концу августа 1500 г. Основания последней датировки, являющейся более точной, см.: LUB, 2, Bd. I, № 1022, легенда.

¹⁹ В немецком тексте дословно «в своей власти» («in seins gewalt»).

²⁰ В немецком тексте дословно «в месте» («an dem ort»).

²¹ «Zum ersten hat es in dem lannd zu Reyssen die gestallt, das daiselbs ain aller regierender her ist, der hat drey sun gehabt; und als der ain sun die schuld menschlicher natur mit dem tod bezallt, hat er auch ainen sun hinder im verlassen; mit demselben sun hat der alt her in Rewssen die gannzen regierung des lands allain in seinem gewalt und will die andern zwen, sein rechten sun, zu keiner regierung oder tailung des landes komen lassen. Das dem meister in Leyffland und dem wirdigen orden an dem ort in vil und mannigerlay weg schwer und nachtaillig ist, angesehen, das sich der orden vor sollich grossen macht, so die in ain hand und gewalt stet, nit auffenthaltten mug, als so das lannd under die hern getailt were» (LUB 2, Bd. I, № 1023, S. 772). Изложение содержания данного отрывка см.: С. М. Каштанов, с. 89—90.

мер, названо количество сыновей Ивана III. Но в ней чрезвычайно ярко отражен процесс государственной централизации, происходившей в России, стремление Ивана III к сосредоточению всей власти в своих руках в обход своих сыновей, удельных князей. Эта сторона политического развития России, связанная с династическим вопросом, ни в одном из русских источников не освещена так отчетливо, как в записке Занзегейма. И еще на один момент политической ситуации в России в последние годы XV в. проливает свет записка Занзегейма. Мы имеем в виду характер власти Дмитрия-внука. Объявленный великим князем — наследником престола, прошедший через акт торжественной коронации, Дмитрий являлся, вероятно, лишь соправителем, помощником Ивана III, а не самостоятельным удельным сувереном.²² Так, по видимому, надо понимать слова Занзегейма о взаимоотношениях Ивана III и Дмитрия-внука: «с этим внуком имеет старый государь русских все управление страной один в своих руках».

Четвертое известие о внутривполитическом положении в России находится в письме Клауса Хольстевера и Иоханна Хильдорпа, ливонских послов, к великому князю московскому, написанном ими по пути в Москву, в Полоцке, 27 января 1503 г. Ливонские послы, встретившиеся в Полоцке с польскими послами, также направлявшимися в Москву для переговоров, задержались в Полоцке из-за отсутствия опасной грамоты Ивана III. Сообщая Плеттенбергу о задержке, они, в частности, писали: «Один из польских послов повстречался нам в пути, он пригласил меня, Хильдорпа, к себе в сани, беседовал со мной по очень разным вопросам и сказал среди прочего: один русский, бывший в заточении, бежавший из Москвы, прибыл сюда и рассказал достоверно, что старший сын великого князя, князь Василий, с некоторыми могущественными господами в Москве составил заговор и хотел старого [великого князя²³] убить, и когда тот об этом узнал, он заточил сына и различными мучительными способами умертвил других господ. И это причина того, что старый великий князь никого в свою страну не разрешает впускать или из нее выпускать, но совершенно устрешен угрозой от внутренних врагов, так что там в стране большая вражда, бог даст, благодаря чему, думают, запаздывает опасная грамота. Но на рассказы таких перебежчиков нельзя полагаться».²⁴

²² С. М. Каштанов, с. 89.

²³ В немецком тексте «den olden tonn». Слово «tonn» в словарях нам обнаружить не удалось, а так как по смыслу речь идет о старом великом князе, то неизвестный термин «tonn» мы раскрыли как «великого князя», взяв эти слова в скобки.

²⁴ «Einer van den Polschen boden quam uns inth velt under oigen, de my Nyldorp to zick in den sleden nam und vaste mannigerleye rede meth my hebbe unde sede under anderen: hir wer eyn gefangen Russe uth der Muscouwe entlophen gekomen unde sede in der warheit, wu des grotforsten oldeste sone vorste Wassyllye sych mit welken van den mechigsten heren in der Moscouwe verbunden und voreinget hedden und wolde den olden tonn

В русских источниках никаких известий о заговоре Василия против отца в 1503 г. нет. Поэтому по поводу достоверности содержания приведенного отрывка письма ливонских послов возможны два предположения: 1) либо заговор действительно имел место и известия о нем в русских источниках при редактировании в княжение Василия были просто выпущены, 2) либо никакого заговора не было и сведения о нем, попавшие в письмо ливонских послов от перебежчика, представляют вымысел последнего, имевший целью заинтересовать власти Литвы, в которую он бежал (Полоцк входил в состав Великого княжества Литовского). С. М. Каштанов обратил внимание на то, что события в России, описанные перебежчиком, напоминают ситуацию, существовавшую в 1497 г.,²⁵ когда участники заговора против Ивана III были казнены, а на Василия была наложена опала. В свете этого наблюдения думается, что сведения перебежчика о заговоре 1503 г. являются недостоверными. Ненадежность известий перебежчика подчеркнули сами авторы письма, ливонские послы, отметившие, что «на рассказы таких перебежчиков нельзя полагаться».

Пятое сообщение о внутриполитических событиях в России читается в письме фогта Нарвы ливонскому магистру Вальтеру фон Плеттенбергу от 8 февраля 1505 г. «Сюда не приходил никто [из-за рубежа], — пишет фогт, — только в день написания этого письма перешел через Нарву некий шпион, он уверяет, что великий князь при смерти, и его сын Василий должен стать великим князем, а внук все еще находится в заточении, и русские склоняются больше в пользу внука, нежели этого Василия. Также говорит этот шпион, что между детьми [великого князя] возникла большая распря; еще говорит этот шпион, что Волк, секретарь старого великого князя, сожжен со многими другими русскими из-за некоей ереси, которая среди них распространилась. И этот Василий велит еретиков в любое время хватать, где их только можно выследить, и приказывает их сжигать».²⁶

dode gebracht hebben, des he wys geworden wer, und hedde den son gefangen unde de andern heren jamerliken und mannigerleye wis gededet. Uth sulcken zick orsackede, dat de olde grotforste nemande in ader uth deme lande steden will, sunder gantz von inwendich ock der vihande anferdinge voranxstet, so dat dair ghrote twedracht im lande sin, Got gevet, dairdotch meynet men, dat geleyde vortogert werde. Aver up solcker loper seggen is geyn vothen» (LUB 2, Bd. II. Riga, Moskau, 1905, № 441, S. 333). Изложение содержания данного отрывка см.: С. М. Каштанов, с. 182, прим. 44.

²⁵ С. М. Каштанов, с. 182, прим. 44.

²⁶ «So enne quam hir nymant over, biszunder hir quam nu in datum syn wyssze vorspeer over de Narwebecke, bey secht worhafftich, dat dey grotforsste zall tor selen gedegen syn unde syn sonne Wassilye dey sall grotforsste weszen unde des soens soenne, dey sall noch gefangen syn unde de Russen sollen alle better gneget weszen tho des soens sonne, dan tho dusseme Wassilyen. Imglikan secht dusse vorspeer, das tusschen den kynderen zolle groet twist upstaen; imglikan secht dusse vorspeer, dat Wolk, des

Письмо нарвского фогта включает некоторые сведения, отсутствующие в русских источниках, но являющиеся в то же время, по-видимому, достоверными. Сказанное относится к известиям о вражде между детьми великого князя и о симпатиях русских к Дмитрию-внуку, находившемуся в заточении. Хотя в русских источниках ничего не говорится о вражде между сыновьями Ивана III, но, как отметил С. М. Каштанов, такая вражда зимой 1504/05 г. была возможна в связи с назначением Василия Ивановича наследником престола и его стремлением к политическому преобладанию в различных районах страны.²⁷ Что касается сообщения о симпатиях русских к Дмитрию, то представляется правдоподобным, что какие-то политические группировки внутри страны сочувствовали заточенному внуку Ивана III. Подтверждение этому предположению мы усматриваем в известиях Холмогорской летописи и С. Герберштейна.

В Холмогорской летописи отложение Махмед Аминя Казанского от Москвы в 1505 г. мотивируется верностью его великому князю Дмитрию Ивановичу, которому Махмед Аминь «целовал роту», и нежеланием Махмеда «быти за великим князем Васильем Ивановичем», изменившим «братаницю своему великому князю Дмитрию» и поймавшим его через крестное целование.²⁸ Это известие, свидетельствующее о том, что имя Дмитрия, несмотря на его заточение, продолжало иметь вес на внешнеполитической арене, с нашей точки зрения, показывает также, правда косвенным образом, что в каких-то кругах русского общества Дмитрий пользовался сочувствием: не случайно приверженность Махмед Аминя Дмитрию не вызывает у составителя летописи никакого осуждения, что, конечно, должно было иметь место с официальных позиций. Сообщение Герберштейна о том, что Василий «не желал подвергнуть себя торжественному избранию в монархи», так как Дмитрий «был избран, согласно с обычаями народа, законным монархом»,²⁹ свидетельствует, что Василий III и после занятия престола продолжал опасаться заточенного Дмитрия. Не исключено, что эти опасения были вызваны не только тем, что Дмитрий прошел в свое время через акт официальной коронации, но и тем, что в глазах какой-то части русского общества он продолжал оставаться законным государем.

---

olden grotforsten syn schriver, zolle gebrant syn myth velen anderen Russen umbe etliker ketterye willen, dey sey nu under sick upgebracht hebben. Unde dusse Wassilye sall dersulvigen noch alle dage laten upgripen, wor hey sey uthgesporen van unde leeth sey bernen» (LUB 2, Bd. II, № 563). Изложение содержания приведенного отрывка см.: С. М. Каштанов, с. 233.

²⁷ С. М. Каштанов, с. 233.

²⁸ Лурье Я. С. О неизданной Холмогорской летописи. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Труды ЛОИИ, М.—Л., 1964, вып. 7, с. 452.

²⁹ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 13, 16.

Известие о русских еретиках, содержащееся в рассматриваемом письме нарвского фогта от 8 февраля 1505 г., также чрезвычайно интересно. Это единственное в иностранных источниках известие о еретическом движении в России в начале XVI в. и о казнях еретиков. Оно включает некоторые сведения, отсутствующие в русских источниках. В частности, в русских источниках ничего не говорится об активной роли Василия Ивановича в разгроме еретического движения. А между тем активное участие Василия Ивановича в расправе над еретиками является вполне вероятным, так как Василий и его мать Софья Палеолог были связаны, как это установлено в литературе, с обличителями ереси.³⁰ Письмо нарвского фогта проливает, таким образом, дополнительный свет и на деятельность Василия Ивановича, и на историю подавления еретического движения.

В ливонских и ганзейских источниках встречаются также данные, позволяющие пополнить существующие представления о биографиях и характере деятельности виднейших представителей еретического движения — Федоре и Иване Волке Курицыных. О Федоре Курицыне, великокняжеском дьяке, известно, что он был одним из крупнейших московских дипломатов, выполнявшим важные поручения в Венгрии, Молдавии, Польше. Ливонские и ганзейские источники освещают неизвестную по русским источникам деятельность Федора Курицына и в сношениях с Ливонией и Ганзой. Так, из материалов ганзейского посольства в Москву в 1494 г., непосредственно предшествовавшего закрытию ганзейского двора в Новгороде в ноябре 1494 г., явствует, что Федор Курицын был одним из главных представителей великого князя во время переговоров, претворявшим в жизнь программу русского правительства в отношении Ганзы.³¹ После закрытия ганзейского двора, уже в 1495 г., Федор Курицын участвовал в переговорах с посольством ливонского магистра по поводу условий урегулирования русско-ганзейского конфликта.³²

Интересно, как называли Федора Курицына в ганзейских и орденских кругах. В отчете ревельского посла Готшалка Реммилингкроде о русско-ганзейских переговорах осенью 1494 г. Федор Курицын, так же как Андрей Майко, назван дьяком великого князя. В отчете дерптского посла Томаса Шрове о тех же переговорах они названы «послами из совета великого князя» («2 uth des grotforstenn rade baden»)³³ Ливонский магистр в письмах к Ивану III, написанных в 1496 г., пишет о Федоре

³⁰ Лурье Я. С. Первые идеологи московского самодержавия. — Уч. зап. ЛГУ им. Герцена, 1948, т. 78, с. 85—106.

³¹ Отчет ревельского посла Готшалка Реммилингкроде о переговорах. — LUB 2, Bd. I, № 95, S. 72—75.

³² Проект письма ливонского магистра к великому князю московскому [от 5 января 1496] и письмо того же к тому же [от 30 января 1496 г.]. — LUB 2, Bd. I, № 297, 304.

³³ LUB 2, Bd. I, № 95, S. 72; № 34, S. 29.

Курицыне и некоем Даниле,³⁴ участвовавших в переговорах с послами магистра в 1495 г., как о «почтенных и благочестивых людях» («de erbaren und vrommen manne»)³⁵ Приведенные наименования не только определяют служебное положение Федора Курицына, но и показывают, что его западным контрагентам он представлялся человеком, пользующимся большим влиянием.

Иван Волк Курицын, которого ливонские источники называют «секретарем» («scriver») великого князя, упоминается в них дважды — один раз в уже рассмотренном известии о казнях еретиков зимой 1504/05 г., второй раз — в письме некоего Тильмана Херссемолена, написанном им из Нарвы 3 февраля 1504 г. бургомистру Ревеля Иоганну Куллерту. В письме Тильмана Херссемолена речь идет о сведениях по поводу русско-ганзейских дел, полученных автором письма от русских купцов, а теми — от Ивана Волка.³⁶ Из письма Тильмана Херссемолена явствует, что в начале 1504 г. положение Ивана Волка еще не пошатнулось и он продолжал являться лицом, осведомленным о намерениях великого князя.

Два последних сообщения о внутренней борьбе в России, связанной с династическим кризисом, находятся в ганзейских источниках. 17 января 1506 г. рат Дерпта писал рату Ревеля: «Таким образом, уважаемые дорогие господа и добрые друзья, мы надеялись в ближайшее время получить из России достоверные известия, которые мы, однако, пока не сумели получить, за исключением только того, что обстановка в России необычна и неясна, [продолжается] упорная борьба сторон; поэтому, дорогие господа, мы не считаем целесообразным в настоящее время встретиться [с вами], чтобы что-нибудь сообщить любекцам, нашим друзьям, прежде чем не изменится обстановка в России так, что действительно можно будет знать, кто удержит в своих руках великое княжение — внук Дмитрий или Василий. Итак, мы полагаем, что писать нашим друзьям любекцам стоит только то, что является действительно достоверным».³⁷ Дополнением к приведенному от-

³⁴ Вероятно, имелся в виду дьяк Данила Мамырев. О нем см.: Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. — ИЗ, т. 87, с. 251—252.

³⁵ LUB 2, Bd. I, № 297, 304.

³⁶ Письмо Тильмана Херссемолена. — LUB 2, Bd. II, № 613.

³⁷ «Aldus, erzamen leven heren unde guden frunde, hadden uns wol vorhopet gehat, in der myddeltydt warhafftige tidinge solden uth Russzlande irfaren hebben, der wy denne noch tor tidt nicht vofaren en konnen, sunder allene, dath idt darmyth en in Ruszlande wunderlicken unde byster steyth, in grothen twisten parthien, so en, leven heren, en vorseen wy uns nicht, nu tor tidt tosamen to komende unde den Lubesschen, unsen frunden, wes to benalende er der tidt, idt in Ruszlande eyne ander gestalt gewynnet, so dath men warhafftigen enckede wethen mochte unde irfaren, we dath grotfurstendom beholt tusschen den soens sone Dymyter unde Wassilien up dath wie in duncken unsen frunden, den van Lubeke, nicht anders en schryven, dan dar men vasth ap vothen moge» (LUB 2, Bd. III. Riga, Moskau, 1910, № 4, S. 3).

рывку из письма рата Дерпта рату Ревеля служит одно место из рецесса ганзейского съезда в Любеке 21 мая—23 июня 1506 г. Его текст гласит: «Были зачитаны некоторые известия из Дерпта, адресованные Любеку, с приписками, в которых среди прочего сообщается, что великий князь умер, оставив от своей последней жены сына и от первой, русской, внука; и хотя была надежда, что после смерти старого благодаря разделу страны может возникнуть распря, вследствие чего появится возможность восстановить контору, все же о внуке нет никаких известий, и поэтому следует опасаться, что власть останется в руках одного».³⁸

Оба приведенных отрывка свидетельствуют о том, что, хотя после смерти Ивана III в октябре 1505 г. великокняжеский престол занял Василий Иванович и династический вопрос был, казалось, решен, в русском обществе сохранялись группировки, тяготевшие к Дмитрию-внуку. Возможно, что информаторы рата Дерпта (напомним, что первый отрывок содержался в письме Дерпта Ревелю, а второй — из рецесса ганзейского съезда — был составлен на основе письма Дерпта), которыми были либо дерптские купцы, посещавшие Россию, либо специально засылавшиеся в Россию разведчики, преувеличивали активность сторонников Дмитрия. Весьма вероятно также, что, когда ратманы Дерпта писали об «упорной борьбе сторон» и о неопределенности исхода этой борьбы (неясно, «кто удержит в своих руках великое княжение», Василий или Дмитрий-внук), они видели то, что хотели видеть — внутреннюю усобицу в России, которая принесет столь желанное для ганзейцев ослабление могущества России и надежду на восстановление закрытого Иваном III ганзейского двора в Новгороде. Но вместе с тем считать характеристику положения в России плодом чистого вымысла информаторов рата Дерпта и дерптских ратманов, с нашей точки зрения, не представляется возможным. По-видимому, какое-то брожение в русском обществе, связанное с династическим вопросом и не отраженное в русских источниках, имело место, как мы это уже отмечали, и после занятия Василием великокняжеского престола (см. с. 170).

Последнее известие о событиях в России, связанное уже с другим сюжетом — с присоединением Пскова к Русскому централизованному государству, мы можем почерпнуть из письма Ханса фон Радена, переводчика рата Дерпта, бургомистру Дерпта Готке. Ханс фон Раден написал свое письмо из Пскова 26 января 1510 г. «Уважаемый дорогой господин Готке, — писал он. — Я не знаю,

³⁸ «Und syn vort gelesen itlike tidinge von den von Darpte an de von Lubeck gescreven mit oren byschriften, darinne unter anderen berort, dat de godfurste vorstorven isz und hefft von syner lesten frouwen eynen sone und von der ersten, der Russynnen, eyns sons sone nagelaten; und wowol men der vortrostinge gewesen, dat na des olden dode durch der lande delinge mochte twedracht syn irresen, so dat dardorch de wege weren geworden, tome kunthor wedder to kamen, so hadde me doch von des sons sone nene tidinge, und were daromme to besorgen, dat de weldige hand by eineme bliven worde» (LUB 2, Bd. III, № 53, S. 124).

что Вам особого пожелать в письме, кроме как здоровья. Далее, дорогой господин Готке, сообщаю Вам, что великий князь в прошлый четвёрг (24 января, — *Н. К.*) прибыл в Псков с большим войском, и туда ежедневно прибывают еще мощные отряды. Я много раз бывал в России, но такого большого войска никогда не видел, как теперь здесь. Куда он с ним хочет отправиться, знает бог. И я прибыл в Псков в прошлую субботу (19 января, — *Н. К.*). И великий князь держит большинство псковских посадников в тяжелом заточении в Новгороде. Далее, дорогой господин Готке, [я не могу ничего] особенного написать, кроме того, что великий князь со своим войском находится в Пскове. Также, дорогой господин Готке, я надеюсь на бога, что мои дела будут благополучны. Также, дорогой господин Готке, я должен был написать Вам сообщение из Новгорода. Я не смог это сделать, ибо пути повсюду были закрыты, чтобы никто оттуда не мог [выехать]. Далее, дорогой господин Готке, будьте предусмотрительны, не думает ли он (великий князь, — *Н. К.*) все же о Ливонии, потому что у него всегда на уме предательские дела. Поэтому он так же поступил с псковичами: он давал им добрые обещания, а когда он их (псковских посадников, — *Н. К.*) заполучил в Новгород, то он их всех заточил. На этом, дорогой господин Готке, будьте благополучны. Написано в Пскове в субботу после [дня] обращения [апостола] Павла (26 января, — *Н. К.*) и т. д. 10[ый год]. Далее, дорогой господин Готке, сообщаю Вам, что великий князь взял Средний город и выселил оттуда население, и замки взял для себя, и расположился там со своими господами».³⁹

Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству освещается во всех русских летописях: в одних — в форме

³⁹ «Erbare leve her Gotke. So wet ick jw sunderlingen nicht to scriven, dan juwe gesuntheit. Vort leve here Gotke, so sulle gii weten, dat de grotfurste im vorgangen donerdage bynnen Pleszkow quam mit groeten volcke, und kumpt noch all dage groith mechtich volck. Ick hebbe vaken bynnen Ruszlande gewesen, men ick hebbe so vele volckes nicht geseen, als hir nu is. Wor he dar mede henne wil, macht Godt weten. Und ick quam als nu vorgangen sunavende to Pleszkow. Und de grothfurst hefft meist de borgermeistere van Pleszkow swarlick [gevangen l]igen bynnen Nougarden. Vort leve her Got[ke]... sunderlinges nicht to scriven, me dat de grotf[urste mit sine]n volcke bynnen Pleszkow licht. Oick leve her [Gotke... i]ck hoppe to Gode, myne saken sullen gudt werden. Oick [leve] her Gotke, so solde ick jw oick wol tydunge van Nowgarden gescreven hebben; men ick kondet nicht daen, wente de wege weren alltomale verboden, dat nymant van dar moste. Item leve her Gotke, gii mogen woll tosehen, dat he Lyfflande nicht en meyne, wente he geyt all myt vorretlick en stucken umme. Wente so dede he oick myt den Pleskoweren, he sede ene guden gloven to, do he se bynnen Nowgorod krech, do nam he se all tomale gevangen. Darumme leve her Gotke, seyt jw woil vor. Hir mede syt Gode bevolen myt all juwer hupen. Gescreven bynnen Preszkow ame sunavende na conversionis Pauli anno etc. 10. Item leve her Gotke, so sulle gii wetten, dat de grotfurste hefft de middelsten stadt ingenomen, und hefft dat volck daruit gedreven, und hefft de sloter to sick genomen, und licht darsulven ynne mit synen herren» (LUB 2, Bd. III, № 766).

обычных летописных записей, в других — в виде особых литературных произведений — «Повестей о псковском взятии». Не останавливаясь на анализе этих записей и «Повестей», различных по объему и идейной направленности,⁴⁰ отметим только их фактическую канву, что необходимо для оценки рассматриваемого нами источника. Воспользуемся для этого «Повестью о псковском взятии», находящейся в составе Псковской первой летописи и написанной псковичом, современником событий.

В «Повести» рассказывается, что к великому князю Василию Ивановичу, 26 октября прибывшему в Новгород, приехали представители Пскова, посадники и бояре, жаловаться на самоуправство великокняжеского наместника князя Ивана Михайловича Репнина Оболенского. Великий князь принял их милостиво и обещал рассмотреть жалобы. Немного погодя псковичи снарядили к нему второе посольство со свидетельствами против наместника; в состав посольства входили, в частности, 9 посадников. Псковские послы были в Новгороде заточены. Прибывший затем в Псков дьяк Третьяк Долматов потребовал от имени великого князя ликвидации вечевых порядков Пскова. 13 января вечевой колокол был отправлен к великому князю в Новгород. Через несколько дней в Псков приехали великокняжеские воеводы с войсками и стали приводить псковичей к крестному целованию. 24 января, в четверг, в Псков прибыл великий князь. В воскресенье, 27 января, собравшиеся на великокняжеском дворе по велению великого князя бояре и псковские купцы были отправлены (в количестве 300 семей) в Москву. Пребывание великого князя в Пскове продолжалось в течение четырех недель, за это время великий князь установил в Пскове новую систему управления. Заканчивается «Повесть о псковском взятии» сообщением о том, что к троицину дню (19 мая) в Псков поехали сведенные гости-москвичи (300 семей), которые получили дворы в Среднем городе, а псковичи были выселены из своих дворов.⁴¹ Изложение фактов автор «Повести» перемежает с риторическими отступлениями и лирическими плачами по поводу конца независимости Пскова.

От «Повести о псковском взятии» Псковской первой летописи существенно отличается «Повесть», находящаяся в составе летописца Румянцевского музея, № 255, и сборника, хранящегося в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 181, д. 365). Н. Н. Масленникова, исходя из идейной направленности этой повести, назвала ее московской. Не останавливаясь на содержании московской «Повести», отметим только некоторые сведения, которые она дополнительно сообщает к рассказу псковской «Повести». В московской «Повести» подчеркивается, что великий

⁴⁰ Анализ летописных рассказов о псковском взятии см.: Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 81—112.

⁴¹ Псковские летописи, вып. 1, с. 92—97.

князь направился из Новгорода в Псков с большим войском, подробнее характеризуется политика Василия Ивановича в Пскове. Так, указывается, что посланные в Псков за неделю до приезда великого князя бояре и дьяки должны были привести псковичей к крестному целованию, а окольных Беззупцев и Сабуров — занимать дворы выселенных псковичей на великого князя, и «на бояр, и на окольных, на дьяков, и на детей боярских на всех в Среднем городе». Указывается также, что великий князь взял в свое владение псковский Кремль.⁴²

Письмо Ханса фон Радена содержит фактический материал гораздо меньшего объема, нежели летописные «Повести о псковском взятии», и как исторический источник оно носит иной характер. Это краткая, фактографического характера (хотя и включающая, как об этом мы будем говорить дальше, некоторый оценочный момент) информация о событиях, происшедших в Пскове в течение нескольких дней, с момента приезда в Псков Ханса фон Радена 19 января 1510 г. и до дня написания письма 26 января. Несмотря на небольшой хронологический охват и лаконичность изложения, письмо интересно прежде всего как непосредственная, не прошедшая литературной обработки запись впечатлений очевидца событий. Оно ценно также потому, что передает восприятие постороннего наблюдателя, иностранца, не принадлежавшего ни к псковской, ни к московской партиям.⁴³

Письмо Ханса фон Радена подтверждает известия русских летописей, в частности рассмотренных нами «Повестей о псковском взятии», о заточении в Новгороде псковских посадников, приехавших туда к великому князю, полагаясь на его обещания; о прибытии в Псков московских военных сил; о приезде в Псков 24 января великого князя.

Оно подтверждает также данные московской «Повести о псковском взятии» о больших размерах войска, прибывшего в Псков

⁴² Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству, с. 95—102.

⁴³ Из иностранных писателей о присоединении Пскова к Русскому централизованному государству пишут лишь Герберштейн и Руссов. Герберштейн в обобщенной форме без всяких датировок по дням сообщает о занятии Пскова великим князем в 1509 г. вследствие измены псковских священников, об увозе из Пскова вечового колокола, выводах псковичей и поселении на их место москвичей; заканчивает свое сообщение Герберштейн высказыванием о том, что великий князь московский Иоанн Васильевич «совершенно умалил свободу жителей Пскова» (отметим, что у Герберштейна имеются грубые ошибки — приписывание покорения Пскова Ивану III и отнесение этого события к 1509 г.). Сведения Руссова еще более лаконичны: в своей «Хронике Ливонии» в одной короткой фразе он пишет о том, что великий князь Василий «пошел войною на княжество и город Псков и завоевал их в 1509 г.» (Герберштейн С. Записки о московских делах, с. 121; Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II. Рига, 1879, с. 300). Оба автора (особенно Руссов) писали значительно позже описываемых событий и на основе сведений, полученных от других лиц; Руссов даже не был в России.

с великим князем («я много раз бывал в России, но такого большого войска никогда не видел, как теперь здесь», — пишет Ханс фон Раден). Дополнительно к рассказу московской «Повести» Ханс фон Раден отмечает ежедневное прибытие в Псков все новых и новых военных отрядов. Благодаря этому известию письмо Ханса фон Радена в большей степени, чем даже московская «Повесть о псковском взятии», подчеркивает концентрацию великокняжеских войск в Пскове. Думается, что сведения автора письма соответствовали действительности и в Пскове и после приезда великого князя продолжалось сосредоточение военных сил, чтобы таким путем исключить какую бы то ни было попытку сопротивления со стороны псковичей.

Письмо Ханса фон Радена позволяет внести ясность и в вопрос о судьбе Среднего города, по поводу которой в русских источниках имеются расхождения (Средним городом называлась часть Пскова, расположенная между Довмонтовым городом и Окольным городом). В псковской «Повести о псковском взятии» поселение в Среднем городе московских сведенцев и выселение оттуда псковичей относится, как мы уже говорили, ко времени около троицына дня (19 мая) 1510 г. В московской же «Повести» выселение псковичей отнесено к январю 1510 г. Письмо Ханса фон Радена показывает правильность сведений московской «Повести». Оно позволяет также уточнить и вопрос о районах Пскова, которые князь взял «на себя». Псковская «Повесть» не называет этих районов, в московской «Повести» говорится о том, что Василий III взял в свое владение Кремль. Ханс фон Раден пишет, что великий князь «замки взял для себя и расположился там со своими господами». Поскольку Ханс фон Раден употребляет множественное число «замки», можно думать, что Василий Иванович занял для себя и своей семьи не только Кремль, но и Довмонтов город.

Историю псковского взятия письмо Ханса фон Радена дополняет еще одним штрихом, неизвестным по русским источникам. Автор пишет, что не смог отправить, как он это должен был сделать, своему адресату, бургомистру Дерпта Готке, сообщение из Новгорода (до приезда в Псков Ханс фон Раден побывал в Новгороде), так как все «пути повсюду были закрыты, чтобы никто оттуда не мог [выехать]». Очевидно, пока в Новгороде шли переговоры с псковичами и подчинение Пскова не стало еще реальностью, Иван III не хотел, чтобы сведения о подготавливаемом событии просачивались за рубеж, опасаясь, быть может, каких-либо дипломатических или военных акций со стороны западных соседей России, которые могли использовать в своих интересах сложность ее внутривосточной ситуации.

Чтобы закончить анализ письма Ханса фон Радена, отметим, что, несмотря на свой фактографически-информационный характер, оно включает и некоторый оценочный момент, а именно оценку действий Василия III в отношении Пскова и оценку ха-

рактера его планов в целом. Ханс фон Раден призывает своего адресата, бургомистра Дерпта Готке, а в его лице и руководящие круги Ливонии к предусмотрительности и настороженности в отношении возможных акций великого князя против Ливонии, так как «у него всегда на уме предательские дела»; и далее он пишет о великом князе: «Поэтому он так же поступил с псковичами: он давал им добрые обещания, а когда он их заполучил в Новгород, то он их всех заточил». Отрицательная морально-этическая характеристика великого князя, его действий и планов была обусловлена в письме Ханса фон Радена, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Одним из них было действительное нарушение Василием III обещания, данного им псковичам, рассмотреть их жалобы на наместника и арест вместо этого псковских посадников, прибывших в Новгород. Но наряду с этим в отрицательной характеристике великого князя, обвинении его в постоянном вероломстве, очевидно, сыграла роль и тенденция, присущая ливонским источникам при характеристике великих московских князей, — изображение их как тиранов и предателей. Эта тенденция, зародившаяся как раз на рубеже XV—XVI вв. и нашедшая выражение как в хрониках, так и в источниках документального и эпистолярного характера, отчетливо проступает и в письме Ханса фон Радена.

В целом письмо Ханса фон Радена представляет новый ценный источник по истории псковского взятия, так как оно позволяет не только проверить и уточнить данные русских источников, но и дополнить их некоторыми новыми штрихами. Ценность письма Ханса фон Радена как исторического источника во многом определяется тем, что автор его являлся, как об этом мы уже говорили, очевидцем описываемых событий.

Авторы других писем, исходивших из орденских и ганзейских кругов и содержащих известия о внутриполитической истории России, очевидцами описываемых ими событий не были. В своих письмах они передавали информацию, полученную либо от разведчиков, специально засылавшихся в Россию, либо от купцов, посещавших русские города, либо, наконец, от русских перебежчиков. Информация эта порою отклонялась от действительности. Но достоинством рассматриваемых писем является то, что авторы их полученную информацию сообщали своим адресатам такой, какой она была, не подвергая ее литературной переработке в публицистических целях. К тому же они проявляли известный критический подход к характеру и источникам своей информации. Напомним, что ливонские послы, авторы письма от 27 января 1503 г., сообщая магистру на основе рассказа русского перебежчика об имевшем место будто бы в этом году заговоре Василия против Ивана III, подчеркнули, что на рассказы таких перебежчиков нельзя полагаться. Дерптские ратманы, писавшие рату Ревеля 17 января 1506 г. о внутренней борьбе в России, высказали мнение о том, что с письмом к Любеку о русских делах надо

повременить, так как писать «стоит только то, что является действительно достоверным» (см. с. 168, 172). Все это располагает в пользу достоверности известий о событиях в России, содержащихся в ливонских и ганзейских источниках, хотя в отдельных случаях они, конечно, не были точными. Произведенное нами сопоставление известий ливонских и ганзейских источников с данными русских подтверждает также значение переписки орденских чинов и ганзейских городов как нового источника по внутриполитической истории России конца XV—начала XVI в.

**Т. И. ОСЬМИНСКИЙ, В. М. РОМАНОВСКИЙ,
А. Л. ШАПИРО**

НОВГОРОДСКИЕ ОБЫСКНЫЕ КНИГИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

При поземельных конфликтах, которые нередко возникали в XVI в., для разбирательства на места выезжали специальные должностные лица. Они привлекали в качестве свидетелей «обыскных людей» — священников, детей боярских, старост, целовальников, сотских, пятидесятских, десятских и рядовых крестьян — и на основании их показаний, а иногда и личного дозора составляли обыскные книги. При отделе (раздаче) поместий тоже производились обыски, чтобы выяснить, не находится ли отделяемая земля во владении других помещиков. Эти обыски охватывали отдельные поместья и содержат поэтому сравнительно ограниченную и разрозненную информацию.¹

Значительно больший интерес представляют обыски, охватывавшие группы погостов, уезды и даже целые пятины в 1560—1570-е годы. В 1564 г. правительство предприняло такие обыски в Бежецкой и в Водской пятинах. Выборный голова Посник Паюсов «с товарищи» ездил по погостам и «выспрашивал и обыскивал про царевы государевы великого князя про пустые деревни и про помещиковы... и про всякие угодыя, и хто царевыми и великого князя деревнями не завладел ли, и земель к своим землям не припустил ли».²

Посник Паюсов привлекал при расследовании большое количество местных жителей. Священники и дьяконы свидетельствовали «по священству», а старосты, целовальники, сотские, пятидесятские, десятские и крестьяне — «по крестному целованию».

¹ Некоторые дозоры по содержанию и формуляру совпадают с обысками.

² Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства, т. II, ч. II. М., 1909, с. 1—24.